

Р. С. Орлов

(К и е в)

ЯВЛЕНИЕ БИФУРКАЦИИ В ДРУЖИННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Розглядаються пам'ятки дружинної культури Русі ІХ—ХІ ст. Автором підкреслюється явище в розвитку ремесла, яке правильніше назвати не синкретизмом, а біфуркацією (поліфуркацією) — особливим станом культури.

К л ю ч о в і с л о в а: біфуркація, «вещи-гибриды», дружинная культура, украшения, ювелирное искусство, культурные традиции.

Современные представления об искусстве древней Руси IX — XI вв. стали предметом науки в 60—80-е годы XX ст. Особый интерес представляют исследования памятников конца IX — начала XI вв. вдоль основных водных путей, обеспечивающие жителей поселений культурными связями с Северной Европой, Востоком и Византией. Главным источником для историков со второй половины XIX в. служат находки ювелирного ремесла, среди которых ярким своеобразием выделяются произведения дружинного искусства. Дружинная культура Руси в ее связях со Скандинавией и Востоком неоднократно была предметом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей, которые характеризуют ее как «евроазиатскую» (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986, с. 187—297).

Основные черты дружинной культуры проявили себя в ряде артефактов: различных категориях украшений из погребений, кладов и культурного слоя поселений. Обычно «евразийский» характер этой культуры называют «гибридизацией» культуры господствующих слоев общества (элитной субкультуры), так как этническое смешение проявило себя в одежде, вооружении, бытовых вещей и погребальном обряде. Исследователи отмечают возникновение нового урбанистического образования

(Верхнее Поднепровье и Подвинье), близкого северным «викам» — открытых торгово-ремесленных поселений (ОТРП), которые обслуживали не столько торговлю, сколько воинские контингенты. Это Гнездово, Тимерево, Городок на Верхней Луге и Городок на Ловати, Шестовицы и др. Здесь создавались часто эклектические по стилю вещи, в т. ч. ювелирные (Булкин, Дубов, Лебедев 1978, с. 139—140).

Большинство исследователей принимают условием становления культуры Руси интенсивные внешние связи городского населения и его знание ценностей и образов далеких стран и народов. При этом традиционно выделяют Киев, которому *a priori* принадлежит ведущая роль в переработке «скандинавских, византийских, арабских, венгерских, великоморавских художественных импульсов». На патриотической волне к изделиям местного, т. е. мастеров Поднепровья отнесен декор и т. н. «сабли Карла Великого» (Кирпичников 1965, с. 268—276). Подчеркивается «гибридный» характер стиля оковок ритонов из Черной Могилы и скандинавские элементы декора одной из них, связь смыслового содержания композиции со скандинавской мифологией (Чернецов 1985). Исследователи приводят восточные параллели тератологических мотивов ритона, относят его к работе славянского или венгерского мастера, подчеркивают иранскую и тюркскую символику хазарского эпического мотива (См. подробнее: Петрухин 1995, с. 170—194).

Вывод В.Я. Петрухина о «концентрации» в мотиве оковки рога из Чернигова исторического процесса синтеза разноэтнических традиций, вследствие чего Русь обратилась к христианской цивилизации, недостаточно аргументирован.

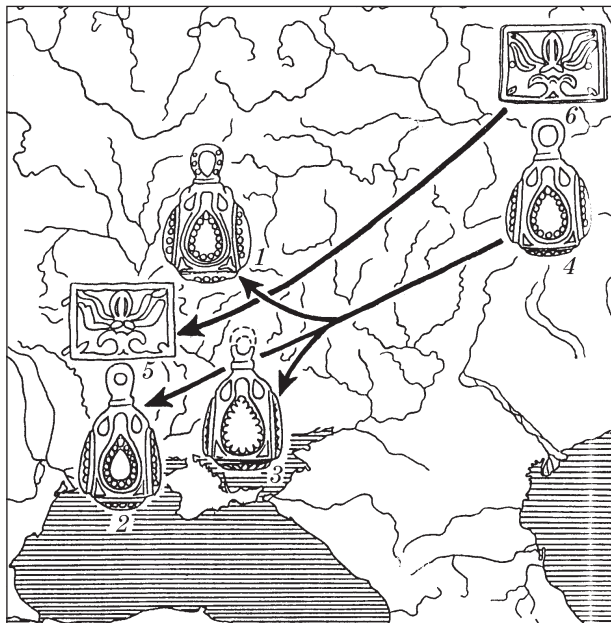

Рис. 1. Распространение «гомбиков» и накладок из Поволжья в Поднепр'ье: 1 — Лесковое, 2 — Николаевская обл., 3 — Херсонская обл., 4 — Измерское селище, 5 — Среднее Поднепр'ье, 6 — Измерское селище

В какой-то степени продолжением изучения А.Н. Кирпичниковым «международного синкретизма» в оформлении одежды и конской сбруи воинских формирований степных народов и Руси явилось выделение причерноморского центра производства и использования в быту отдельных категорий украшений IX — XI ст., часть продукции которого попадала в Среднее Поднепр'ье (Орлов 1984, с. 24—44). К середине — третьей четверти X ст. относится локальное производство поясных и сбруйных наборов из Киева, Чернигова, Шестовиц в мастерских «Русской земли» с характерными пунсонными и гравированными растительными мотивами. Используется также чернь и таушировка (Орлов 1984а). Особенно показательны листовидные уздечные и поясные наборы наременных накладок с элементами стиля родственного вещам из Венгрии. Но это изделия местной переработки (Орлов 1984б). Импортом или местным подражанием является сумка-ташка из кургана № 42 Шестовиц, реконструируемая по металлическим накладкам и остаткам ремня (рис. 1, 1). Некоторые аналогии венгерской серии происходят из Гнездово, Бирки, попавшие к викингам скорее всего через Среднее Поднепр'ье (Jansson 1986).

Отметим, что производство серий украшений в одних мастерских и даже одним мастером подтверждается находками не только литейных форм, но и химическим составом металла, взаимозависимостью типа изделий от состава сплавов вплоть до микропримесей (Орлов 1983; Килиевич, Орлов 1985). Процесс формирования художественной культуры, так ярко

проявивший себя в ювелирном искусстве, не ограничивался только вещами из дружинных погребений и кладов. В Среднем Поднепр'ье и Волыни выделяются кроме того еще уборы племенной верхушки и сельских «старейшин», а также этноопределяющие «племенные» украшения. Эти украшения рассматривались с точки зрения социальных условий их функционирования (Орлов 1987).

Кроме «гибридных» ювелирных изделий на Руси известны художественный импорт скандинавских изделий или местного подражательного изготовления, которые наряду с погребальным обрядом и оружием создают «гибридный» фон новой культуры. Количество находок стремительно возрастает за счет не только традиционных центров (например: Шестовица), но и новых, например, древнего Искоростеня (Зощенко, Звіздецький 2006).

Перспективным для изучения представляется направление связей с исламской городской ремесленной традицией, прежде всего Волжской Булгарии. Вероятно, именно некоторые вещи и литейную форму с куфической надписью из Киева (1975 г.) можно связывать либо с сухопутным путем из Булгар в Киев, либо с речными путями по Волге и ее притоках. Орнаментальные мотивы среднеазиатского происхождения могли с исламскими мастерами проникать вместе с потоком дирхемов азиатской чеканки через Итиль далеко на север. Тип наременных накладок отливаемых в киевской форме известен в памятниках Поволжья, Шпилевском кладе, Выползове под Остром и даже в Бирке (Grab 716).

Некоторые находки говорят о разностороннем характере контактов в области художественной культуры. Это плетеные гривны типа Байкульского клада (под Казанью) выявленные западнее Киева в кладах у Копиевки, Боршевки, В. Хайчи, пуговицы — «гомбики» из Лескового, находящегося в междуречье Днепра и Десны и из печенежских погребений в Каховском районе и Еланецком районе Николаевской области (рис. 1, 2). Находки датируются 2-й половиной X — началом XI вв. Внешне они воспроизводят форму кувшина, украшенного медальонами с фризом из «жемчужин», каплевидными выступами и напоминающего кувшины восточноранской (хорасанской) традиции.

Аналогичная пуговица из слоя Измерского городища была передана Е.П. Казаковым в 1989 г. автору, что позволило путем спектрального анализа сопоставить химический состав изделий. Сплав этих вещей совпал по рецептуре и по содержанию микропримесей (Орлов 1990). Накладки из тонких пластин на деревянные сосуды из кургана 16 могильника Березки в Чернигове находят аналогии из болгарских могильников Больше-Тарханского, Танкеевского, а также из погребения № 1 Бекешевского могильника. Существует типологическая связь

и между квадратными застежками на сумки из Биляра, Поднепровья и Приладожья с мотивами цветов, кринов.

Косвенным подтверждением стабильного распространения восточных типов украшений для женской обуви и наременной в мужских погребениях IX — X вв. по «степному коридору» служит цепочка однотипных вещей от Урала до Южного Буга (Орлов 1999). Есть предметы, которые в отличие от биметаллического кресала из кургана с сожжением из Киева (воспроизводящем сюжет угорского мифа о Мир-Сусне-Хуме и Карсе — по Н.Б. Крыласовой 2006), свидетельствуют о контактах с населением Волжской Булгарии, характер которых определить трудно. Примером служат найденные в Киеве каменный котел вероятно иранского производства, или керамические сфероконусы для ценных жидкостей, в т. ч. для ртутных препаратов (Архипова 2005; Орлов 1991).

Упадок Хазарского каганата после похода Святослава 968/69 гг. или 965 г. привел к активной политике Хорезма в Нижнем Поволжье. Это совпало с возвышением Волжской Булгарии и Руси, что могло вызвать приток мастеров-шиитов из Средней Азии и Багдатского халифата, усиливающийся по мере сельджукской экспансии на Ближнем Востоке. Схожие явления происходят в Великой Моравии и Венгрии (Даркевич 1976, с. 170—176).

По методам классификации наременных украшений из «дружинных» комплексов X в., подсчетом показателя сходства по признакам групп украшений, технологии изготовления и другим характеристикам близкими нашим выводам представляются итоги исследования В.В. Мурашевой (Мурашева 2000). Особенно много общего с вычленением «венгерской» или «позднехазарской» школы (пластов по В.В. Мурашевой), а также выводом о сильном влиянии на искусство Восточной Европы «волжско-болгарской школы». К сожалению, автору остались неизвестными уже давние работы Р.С. Орлова о сбруйных наборах кочевников X—XI вв. и последнее исследование П.П. Толочко о кочевых народах степей (Орлов 1982; 1984; Толочко 1999).

Последние 10—15 лет (до 2010 г.) наблюдается стремительное нарастание разных источников по художественной культуре Руси IX—XI вв. Количественно увеличивается база артефактов в результате новых раскопок, улучшаются способы исследования материалов. Кроме популярных в 60—80-е годы XX в. методов количественных исследований и разного рода статистических обработок, все чаще используется методы технологического исследования вещей, вплоть до технологии производственных процессов и экспериментальных реконструкций (Ениосова, Сарачева 1997; Петраускас 2006). Предметом дискуссий остается структура и организация ремесла и его

Рис. 2. Сумка-ташка из кургана 42 Шестовиц (по Д.И. Блифельду). Реконструкция Р.С. Орлова

различных форм: деревенского (общинного), вотчинного, городского. Кроме постоянных мастерских, считают необходимым говорить о странствующих мастерах, массовое производство путем копирования предметов и моделей. Тиражирование украшений происходило на громадной территории, например: отливки серег великоморавских типов в Киеве и Гнездове, литых и штампованных привесок с изображением зверя по всей территории древней Руси (Ениосова 1998; Сарачева 2003).

Для истории дружинной культуры древней Руси и «государственных и урбанистических изменений» большое значение имеют возобновившиеся в 2001 г. раскопки детинца и посада древлянского Искоростеня. Новые материалы ставят Искоростень наряду с Киевом и Черниговым в контекст формирования «дружинной культуры» Руси конца IX — середины X вв. В культурном слое города отчетливо зафиксированы следы деятельности варяжского «корпуса»: оружие, военная амуниция, скандинавские женские украшения и крестовидные подвески с христианской атрибутикой (Зоценко, Звіздецький 2006).

«Гибридный» характер культуры отчетливо демонстрируют височные кольца волынского типа и кольцо «дунайского» типа, имеющее великоморавские прототипы (Звіздецький, Петраускас, Польгуй 2004). Редчайшие два золотых височных кольца с зернью справедливо соотношены с находками из Старого Места в Великой Моравии. Серебряные и бронзовые наременные накладки восточного облика уникальны и, в отличие от взгляда авторов публи-

кации, не имеют прямых аналогий в древней Руси, в т. ч. в каталоге В.В. Мурашевой, а указывают на балкано-дунайские прототипы. Это может быть следствием пребывания древлянско-дружинной Искоростеня на Балканах (Орлов 1997).

Пятилучевое височное серебряное кольцо с фигуркой птицы относится скорее всего к продукции великоморавских мастеров, от которых происходят пятилучевые кольца у восточных славян конца IX — начала X вв. (Шинаков 1980, с. 123).

Краткую характеристику дружинного искусства можно продолжать за счет не только новых находок, но и за счет новых подходов исследователей к понятиям «дружина» как самостоятельного органа публичной власти, созданию «погостов», «становищ», к Киевской Руси как становящейся варварской державы, роли «полюдьа» как эмоциональной и материальной связи киевского князя с населением и т. д. (см. историографию: Ричка 2008). Направление культурных связей можно расширить за счет фактора торговли с Византией и политико-экономических связей с Хазарией, особенно после установленного факта существования в Киеве в первой половине X в. еврейско-хазарской общины, на основании так наз. «киевского письма», отправленного прозелитами хазарского происхождения (Голб, Прицак 1997).

Традиционно в работах историков многообразии социально-экономических, политических и культурных связей рассматривается через взаимодействие, распространение в скандинавских, древнерусских и прибалтийских памятниках различных артефактов, в т. ч. в области украшений, парадного костюма и т. д. «Вещи-гибриды» называют высшим проявлением такого взаимодействия в X в., «характеризующих процесс синтеза различных по происхождению этнокультурных традиций в раннефеодальной дружинной культуре» (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986, с. 277). Используемая терминология: «феодалная государственность», ассимиляция варягов в «древнерусской дружинной среде» также подразумевает, что в данный период (920—965 гг.) и в целом в X в. знатность владельца предполагала международный синкретизм дружинной одежды, использование чужеземных художественных вкусов. В результате все импульсы перерабатываются в единое, самостоятельное стилистическое направление уже со второй половины X в.

Подобные суждения вызывают ощущение некоторой недосказанности проблемы формирования искусства Руси в X в. «Гибридная» культура удивляет не только стилистическим разнообразием вещей, создаваемых одними мастерами из похожих сплавов металлов в одних и тех же мастерских. Отметим, что «вещи-гибриды», не обладающие ни одним свойством оригиналов, встречаются чрезвычайно редко.

Нечто подобное по старым образцам, но в соответствии с местными вкусами производилось пришлыми мастерами — выходцами с Подунавья на Пастырском городище или византийскими мастерами в Великой Моравии.

Если оставить часто мистические поиски славянских традиций не в «племенном», а в дружинном искусстве, то прослеживается стремление мастеров отвлечься от этнического начала. По мнению А.П. Моца, на территории южно-русских земель именно ремесленники наряду с купцами составляли определенную общность. Именно представители дружинной субкультуры ощущали и определенную этническую общность в отличие от менее прогрессивной народной или сельской (Моца 2007, с. 199).

По-видимому, местное, или точнее культурное наследие хронологически предшествующего этапа развития, не позволяло понять качество нового явления — «дружинной» культуры. Такое особое состояние культуры является не хаотичным, как может показаться поначалу, а бифуркацией (полифуркацией). Возникшая модель «множественности», а не синтеза, создает вероятностный, а не предопределенный характер развития культуры Руси.

Проводником новых духовных ценностей и своеобразного диалога культур Руси и Византии послужила деятельность высшей знати уже при Ольге, но онтологический статус всего созданного предметного мира и воплощенный в нем личностный аспект существования и развития человека окончательно был определен при Владимире летописный сюжет «выбора веры» (Орлов 1991).

Поиски бесконечных местных традиций фактически часто сводится к поискам повторяющихся явлений. При этом совершенно упускается так наз. точка бифуркации, когда необходимо осуществить выбор, в случае с князем Владимиром — в пользу Византийского Содружества наций, по образному выражению сэра Дмитрия Оболенского (Оболенский 1998). Но история изучает факты неповторяющиеся и «всякое регулярно повторяющееся явление не есть объект истории» (Сорокин 1992, с. 517). Именно неравновесность в культуре Руси X в. создала условия для создания порядка, т. е. новой православной художественной культуры. Неравновесность есть то, что порождает «порядок из хаоса» (Пригожин, Стенгерс 1986, с. 356—357).

В сфере исторического творчества, Ю.М. Лотман развивая идеи И. Пригожина, разделяемые В.Н. Топоровым, подчеркивал, что в истории механизмы возрастания энтропии противостоят альтернативе, моментов выбора пути, моментов, когда нельзя предсказать, куда потечет дальнейшее развитие. В эти моменты бифуркации, когда движение как бы останавливается в раздумье над выбором пути, вступает в действие интеллект и личность че-

ловека. После этого вмешавшись в общий ход, они придают изменениям необратимый характер (Лотман 1988, с. 1—4; Топоров 1994).

Нетрудно прийти к выводу, что славянское «языческое» искусство и производство вещей на открытых торгово-ремесленных поселениях, обслуживавших воинские контингенты, которые осуществляли часто захват художественных ценностей на территориях других стран, являлись механизмом энтропии. Альтернативные ситуации развития новой культуры были сведены к нулю, а момент флуктуации — отсечения одних и выбора других направлений развития, наступил около 988 г. (Рапов 1988, с. 208—254).

Создание нового искусства предполагало сложный процесс преодоления Чужого, точнее через образ Чужого конструирование «образа Собственного в Чужом», стремясь к трансформации Чужого — втискивая его в горизонт «Собственного». Принимающая сторона — Русь, уступает свое место «чужому», получая взамен выигрыш в виде нового элемента, а дающая — Византия, выигрывает в приобретении нового для нее пространства. Подобный механизм подробно рассматривается на примере вторжения в средиземноморскую ойкумену (Александра Македонского) венгров и тюрков (Шукуров 1999).

Не менее сложным представляется воплощение новой вещи в представлениях ремесленника, поскольку сущность вещей отождествлялась с их происхождением. По средневековым представлениям произведение ремесла не только ремесленный или художественный продукт, это — выявление вещи из-за «покрова», который есть граница видимого и невидимого миров — через нее идея вещи переводится в саму вещь. Ремесленник, претендующий стать мастером, должен предъявить для этого свой шедевр. При этом ремесленник исполнял операции над данной вещью целиком своим собственным инструментом: чем крепче человек был связан с инструментом, тем больше этот инструмент несли на себе отпечаток его способов деятельности (Неретина 1994, с. 51—67). Вещь в понимании средневекового ремесленника включает в себя свое происхождение и собственно изготовление, а делание вещи и является актом познания ее (Харитонович 1982, с. 36).

В связи с выше изложенным, механизм воспроизведения каких-либо художественных форм следуют задаче максимально точно воспроизвести божественный первообразец. Идеал — произвести вещь неотличимую от однотипной ей другой вещи, несмотря на индивидуальность мастера. Кроме того, в архаическом сознании работа с вещами превращает ремесленника в колдуна, а его работу — в дело космической важности. Поэтому, средневековое художественное ремесло Руси IX—X вв. предполагает как минимум школу ученичества.

Архипова Е.И. О происхождении средневекового каменного котла из Киева // РА. — 2005. — № 2. — С. 132—137.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. — Л., 1978.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. — М., 1976.

Голб Норман и Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X века. — М.; Иерусалим, 1997. — 240 с.

Ениосова Н.В. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. — М., 1998. — Т. 4. — С. 258—267.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения. // Древности Евразии. — М., 1997.

Звіздецький Б.А., Петраускас А.В., Польгуй В.І. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. — К., 2004. — С. 51—87.

Зоценко В., Звіздецький Б. Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Русь на перехресті світів. — Чернівці, 2006. — С. 73—89.

Кишиевич С.Р., Орлов Р.С. Новое о ювелирном ремесле Киева X ст. // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. — К., 1985. — С. 61—76.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. — М., 1986 — С. 187—297.

Крыласова Н.Б. Об интерпретации кресал с сюжетом известным в историографии как «Один и воронья» // РА. — 2006. — № 4. — С. 64—73.

Лотман Ю.М. Клио на перепутье // Наше наследие. — 1988. — V. — С. 1—4.

Моця О.П. Південна «Руська земля». — К., 2007. — 264 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ремесленные наборные украшения (X—XIII вв.) — М., 2000. — 136 с.

Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. — М., 1994. — 208 с.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. — М., 1998. — 655 с.

Орлов Р.С. Византия и Русь. Проблема диалога культур // Южная Русь и Византия. — К., 1991. — С. 157—166.

Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. — 1983. — № 44. — С. 29—47.

Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X—XI ст. // Археологія. — 1984. — № 47. — С. 32—52.

Орлов Р.С. Про час появи печенігів на території України // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. — К.; Львів, 1999. — С. 174—185.

Орлов Р.С. Руська дружина на Балканах // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. — К.; Львів, 1997. — С. 197—208.

Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X—XI вв. // Культура и искусство средневекового города. — М., 1984а. — С. 32—52.

Орлов Р.С. Сфероконусы Поволжья в Среднем Поднепровье // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1991. — С. 16—18.

Орлов Р.С. Художественные связи Южной Руси с Волжской Булгарией в X—XI вв. // Тез. докладов конференции «Археологическое изучение микро-районов: итоги и перспективы». — Воронеж, 1990. — С. 56—58.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. — М.: Гнозис, 1995 — 320 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М., 1986.

Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. — М., 1988. — 416 с.

Ричка В.М. Початок Русі: від варварських «племен» до варварської «держави» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Коростень, 2008. — Т. 2. — С. 105—113.

Сарачева Т.Г. Древнерусские привески с изображением зверя // РА. — 2003. — № 4. — С. 102—115.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — 543 с.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. — К., 1999. — 200 с.

Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М., 1994. — С. 38—75.

Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представление о вещи // Художественный язык Средневековья. — М., 1982. — С. 24—39.

Чернецов А.В. К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». — Чернигов, 1985. — С. 55—58.

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. — 1980. — № 3. — С. 110—127.

Шукуров Ш.М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. — М., 1999. — С. 33—61.

Jansson I. Gurtel und Gurtelzubehor vom orientalischen // Birka II: 2, Systematische Analysen der Graberfunde. — Stockholm, 1986. — S. 77—108.

R. S. Orlov

ЯВЛЕНИЕ БИФУРКАЦИИ В ДРУЖИННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Рассматриваются памятники дружинной культуры Руси IX—XI вв. Особое внимание уделено «евразийскому» характеру этого явления, ярко проявившее себя в ювелирном искусстве. Привлекает внимание синкретизм в отделке костюма и конской сбруи. Направление связей в области технологии, стилей орнамента указывает на множественный характер связей со Скандинавией, Востоком, Великой Моравией, Степью. Автором подчеркивается явление в развитии ремесла, которое правильнее назвать не синкретизмом, а бифуркацией (полифуркацией) — особым состоянием культуры, предполагающее вероятностный характер пути ее развития. При этом в точке бифуркации значение интеллекта и личности человека, осуществляющего выбор. Впоследствии опять возрастает предопределенность и необратимость изменений, что для Руси выразилось в обращении к православной культуре.

R. S. Orlov

BIFURCATION PHENOMENON USED TO BE IN A CULTURE OF ARMED FORCE IN OLD RUSS STATE

Artifacts of armed force Old Russ culture (9th—11th cent.) are in the focus of this paper. Author attends to the special Euroasiatic nature of this phenomenon that appears itself in a jeweller's art. It is emphasized on a syncretism in dress decorating and horse harness. Technology of artifacts is connected with Scandinavian, Moravian culture, East, Steppe. Author is also underlines on a fact of bifurcation (polifurcation) — state of culture that may have several choices in evolution of it. After the bifurcation-point irreversibility of changes is increased. In case of Old Russ state this effect was directed to the Orthodoxy.